

По будням я просыпаюсь в шесть утра под слова гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...»

Обычно минут десять нежусь в постели. Сегодня вспомнилось, как мама рассказала мне такую историю из детства: «На Первомай сорокового мне было девять лет. Родители пошли праздновать к бездетным друзьям, потому меня не взяли, а велели лезть в яму: семенную картошку перебрать и в тепло положить. Я чуть не разревелась от обиды! А потом платьице нарядное и красную косынку надела и работала да песни пела...»

Отчего мне вспомнилась мамина история, я пытаюсь догадаться сейчас в школе, чтобы не заснуть на последнем уроке. Жидкие шторы не спасают от спящего солнца, а математик нудно объясняет новую тему. Сил хватает только механически переписывать теорему с доски, параллельно витая в облаках, мечтая о лете, пионерлагере с переплётным кружком и знакомствах с интересными мальчиками...

Скорее бы лагерь! Мне очень хочется отдохнуть: купаться, играть, читать. Осенью восемьдесят третьего наш седьмой «А» избрал меня старостой, и к концу года я изрядно устала.

Вот и дома «планов громадѐ!» Например, завтра, девятого мая, мы с родителями поедem в деревню: поздравим дедушку-фронтовика и посадим картошку. А сегодня хочу отреставрировать бабушкин сборник Пушкина с засушенной незабудкой. Иначе совсем развалится, а бабушка им дорожит. И тут я вспомнила: она поведала мне, как в тридцатые годы по газетам и этому сборнику учила читать односельчан. Среди учеников был и еѐ будущий муж, который стал моим дедушкой.

Витания в облаках прервал вежливый стук в дверь. Вошла наша классная руководительница, Ирина Маратовна, со своей объѐмной сумочкой и спросила у математика:

— Игорь Олегович, позвольте сделать объявление? — Ради Бога. О! Вот и звонок. Ребята, до свиданья!

Учитель быстро собрался и вышел. Ирина Маратовна замылась, подбирая слова:

— Ребята! Завтра вы, наверное, проведѐте со своими родными, радуясь отдыху среди недели, а ведь это — День Победы. Поэтому сегодня нам

доверили поздравить с наступающим праздником ветеранов, живущих близко от школы.

Она взяла в руки тетрадный лист. — Вот имена и адреса пяти фронтовиков, нужно от имени класса поздравить их. Понимаете? Но это ни в коем случае нельзя делать формально, а только прочувствовав, что совершили ветераны для каждого из нас. Это почѐтное поручение мы должны выполнить хорошо...

При слове «почѐтное» Розалия, сидящая впереди меня, фыркнула и вскинула руку, заявляя с места:

— Ирина Маратовна! Мне нельзя в музыкальную школу опаздывать. Мама говорит: «Вся семья из-за пианино по одной половине ходит! Не подведи!» — Ну... иди, — неуверенно разрешила учительница.

Я ждала, кто из одноклассников отзовѐтся, чтобы помочь. Учительница, выложив на стол альбом и дефицитный набор фломастеров, продолжила: — Ребята! Нужно нарисовать открытки, они будут для ветеранов гораздо дороже печатных картинок. Вы согласны со мной?

Я подумала: «Ещё не легче! Так, по рисованию у меня — шаткая четвѐрка, значит, каждый второй ученик справится лучше, чем я. Но даже интересно, чем дело закончится!»

Розалия, выходя из класса, успела махнуть подружкам, намекая: «А вы что ждѐте?» Тут же над партами взлетели три руки.

— Вы пойдѐте к ветеранам? — в голосе Ирины Маратовны звенела радость.

— Мне тоже в музыкалку...

— А нам в изостудию бы...

— Да... Конечно, это тоже важно. Идите.

Девочки быстро выскользнули в дверь.

— Мальчики! Может быть, именно вам, как будущим воинам, лучше поздравить?

Рыжий Вадим встал и серьёзно сказал:

— А у нас в хоккейной школе последний раз в сезоне — лёд. Тренер сказал, что прогульщики пусть пеняют на себя. Мы пойдѐм, ладно?

— М-да. Ну, идите. Не привязывать же вас.

Грохот отодвигаемых стульев вызвал шушуканье и переглядывание, словно Ирина Маратовна превратилась в учителя-новичка, не умеющего держать дисциплину. Она переминалась у доски и переводила взгляд с одного ученика на другого.

Учительница остановилась рядом со мной, а я демонстративно стала разглядывать свои наручные часы, думая: «Было бы чем поздравлять: цветы там, конфеты, книги,—я бы пошла... Но почему так поздно?» Она будто услышала меня и с трудом произнесла:

— Ребята, я прошу прощения, что такое поручение — и в последний день. Я... отвлеклась из-за оформления больничного листа, хотя должна была всё раньше подготовить.

В классе на пару секунд воцарилась гулкая тишина, а потом все оживились и стали тянуть руки. Не дожидаясь, пока спросят, ученики называли причины срочного ухода:

— У нас пудель старенький. Не может долго без прогулки.

— Мы на кросс готовимся.

— К зубному!

— Папа ждёт. Едем могилы родных обиходить.

Ещё десяток разных секций, по словам одноклассников, непременно лишат воспитанников бесплатного спортивного инвентаря и посещения бассейна, если опоздать на тренировку.

Я понимающе усмехнулась: раньше была в такой секции, где еженедельного абонемента на бассейн лишали за прогул.

Двое пацанов с галёрки улизнули в дверь, на секунду оглушив нас шумом школьного коридора. Наверное, спешили в туалет.

Ирина Маратовна переводила потухший взгляд с одного ученика на другого и растирала висок — прямо как моя бабушка, когда у неё болит голова. Вдруг встал Эдик — кудрявый самоуверенный сын профессора — и развязно спросил:

— Зачем так лезть из кожи? Давайте подождем год, и на сорокалетие Победы поздравим как следует.

Я растерялась от этих слов. А Ирина Маратовна, смерив Эдика долгим взглядом, посмотрела на оставшихся ребят и заговорила проникновенным, но властным голосом. Голосом комиссара.

— Ты прав, Эдуард, сегодня есть лишь мои фломастеры и альбом. И что? Может, через двадцать лет поздравить? Или лучше через сорок?... Да поймите же вы! Они... они для нас каждый день из тысячи четырёхсот восемнадцати жизнью рисковали! И представить не могли, что под пулями ходят для таких... малоблагодарных. Нам же это самим необходимо: поздравить Победителей. А через год... не все старики доживут. Так давайте сделаем доброе дело вместе и сейчас!

— А я разве против? — смущённо прошептал Эдик и выскользнул из кабинета во время звонка на вторую смену.

— Ничего я не успеваю, — горестно вздохнула Ирина Маратовна. — Придётся самой после работы обойти ветеранов. Ты, Яна, иди тоже: и так субботники и дежурства подстраховываешь... Но я всё сидела.

Когда ушли последние ребята, Ирина Маратовна вдруг распахнула окно. На её лбу блеснул пот.

Я уже понимала, что обходить ветеранов буду сама, и пошутила своей любимой фразой, прибавлявшей мне смекалки в трудностях:

— Ирина Маратовна, а знаете, «Чапай думать будет!» — и добавила: — Давайте адреса, фломастеры и альбом!

Она обняла меня и погладила по спине. Я смутилась от неожиданной нежности и скороговоркой выпалила:

— Правда, я сегодня хотела быть дома. Но это ничего! Для бабушки сборник переплету в другой день. Он лежит и есть не просит.

Я отчеркнула ближайший адрес ветерана. Села за парту и, убеждая себя, что «не боги горшки обжигают», нарисовала в альбоме салют и тюльпаны. На обороте красной ручкой написала самые добрые слова: «Дорогой Виктор Макарович, Воин, защитивший мир! Мы желаем Вам здоровья, счастья, любви близких и вечно мирного неба». Остальные открытки решила рисовать, сидя на лавочке у дома следующего ветерана.

До нужного дома я добралась быстро и, чуть поколебавшись, вошла в тёмный подъезд. Сразу противно запахло кошками: оказалось, тянуло из зарешеченного входа в подвал. Потом я чуть не поскользнулась, наступив на что-то. Мелькнула мысль: почему мы в подъездах мусорим? Площадку первого этажа я пробежала, задержав дыхание. Нашла!

На двери табличка: «Здесь живёт Победитель — Виктор Макарович Троицкий». Как хорошо назвали участника Великой Отечественной войны — Победитель! Жму на звонок. Тишина. Ещё раз жму, смотрю вокруг и замечаю, что на полу от этой двери вниз идёт пунктиром красно-зелёная тропка... из тюльпанов. Он что... умер?... Я опоздала?!

У меня пересохло в горле, и я побрела домой. По дороге я думала: зачем мне такое выпало? Тут я догадалась про Ирину Маратовну и подумала: так это же здорово! Это правильно, что именно я узнала эту скорбную весть, а не она. Если бы она поскользнулась на тюльпане и упала? Или ей бы открыли дверь, а она бы расстроилась и... Я не стала додумывать эту мысль.

Вечером мы с девочкой из параллельного класса поиграли в бадминтон во дворе. Она убежала домой со своими ракетками, а я сидела на скамейке в рождающихся сумерках и думала: почему последние минуты игры — самые сладкие? Хорошо бы намазать воланчик фосфором, чтобы видеть его в темноте!

Вдруг в окошке первого этажа зажётся свет, и Розалия, распахнув раму, крикнула:

— Яна, как там ветераны? Если б хоть за день знать, помогла бы с открытками. Я же рисовать люблю.

— Розали! Ещё не поздно. Завтра всё вручим! Я тебе сейчас альбом и фломастеры передам?..

Она отпрянула от окошка, но через минуту вернулась:

— Хорошо. Давай приноси.

Пока я шла домой, всё думала о Розалии.

Я мало знаю её и завидую ей! Её бабушка и дед — известные в городе музыканты, и она к музыке способная!

Розалия — вовсе не «сухарь», но на обучение игре на фортепиано у неё уходит море времени.

Розалия открыла дверь, и я тихо выпалила:

— Розали, только по-честному: ты правда хочешь мне помочь?

— Хочу. Но завтра в музыкалке отчётный концерт... А кто тебе ещё поможет?

— Знаешь, у нас дома всегда в запасе пара купленных открыток. Я их заполню. Две нарисуешь?

— Легко! Яна, а когда вручишь? Вы же из деревни обычно затемно приезжаете.

— Постарайтесь вернуться раньше.

Пообещав это, я вышла во двор с ощущением восторга и желанием выплеснуть энергию. У меня так бывает: что-то не получается, а потом вдруг начинает удаваться, и в эти минуты я лезу на крышу родной пятиэтажки и любуюсь городом или спешу на школьный двор, разбегаюсь и прыгаю в яму с песком: бух! — почти визжа от мышечной радости.

Вот и сейчас я приземлилась и заметила в свете фонарей, что напротив ямы скоро расцветут сибирские ирисы. Вдруг жгуче захотелось их сорвать, и я решила: от двенадцати цветов не убудет! А зато ветеранов порадую не только открытками!

Бережно сорвав цветы, я опять прибежала к Розалии.

— Ух ты! Дай порисовать ирисы! — загорелась она. — Держи... Ого, до чего открытку сделала красиво! А утром можешь ветерану сама вручить? Хоть одну из четырёх?

— Погоди, Яна, я не обещала разносить! Мне ещё костюм гладить.

— Хочешь, помогу? Руки помою и...

— Здорово! Я уже марлю увлажнила. Утюг поставь на «шерсть».

Мы занялись делом: я погладила юбку и блузку, а из-под кисточки Розалии, как живые, родились фиолетовые ирисы.

...Когда мы с папой и мамой посадили картошку, то поставили праздничный стол прямо в огороде, между колодцем и баней. Благодаря бабушке на нём было много еды: окрошка, разносолы и пирожки с разными начинками! Главным за столом был дедушка — отец моей мамы, чьими руками было построено здесь всё. Только скворечник скотил папа с моим братом Олегом, который служит в армии.

Последние три года из-за инсульта деда плохо слушалась одна сторона тела, и речь была

нарушена. Бабушка и сейчас ласково ухаживала за ним, кормила с ложечки, а он благодарно гладил её по руке.

Мы все — папа, мама, бабушка и я — спели «Землянку». (Как здорово, что наш класс разучил её год назад!) Дед смахнул слезинку, а на этих строках даже попытался подпевать:

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Вскоре он устал, и мои родители, доведя его до кровати, ушли поздравить своих друзей, живущих на соседней улице.

Бабушка уложила деда.

Она вышла ко мне, и мы вдвоём стали рылнить землю в цветнике, где росли тигровые лилии и мальва. Немного поработав, бабушка, охнув, распрямилась и села на открытую веранду, с которой было видно и деда в доме, и меня.

— Ты о чём задумалась, внученька? Или мне показалось?

— Я дома старый сборник Пушкина нашла. Помнишь, бабушка, он же твой, да? А почему он у нас в шкафу лежал?

Бабушка пристально посмотрела на меня, будто решаясь на что-то важное, позвала сесть рядом и тихо сказала:

— Яночка, я ведь уже доживаю. Когда-то закроются глазоньки мои. Вот и захотела все самые дорогие мне вещицы наперёд добрым людям отдать. Вот и старшей дочке книжку Пушкина как от сердца оторвала, ведь там...

Бабушка сверкнула глазами, щёки покрылись румянцем; я замерла в предвкушении истории, но её позвал дед. Попросив меня полить клумбу с астрой и календулой, она ушла в дом.

Я и не представляла, что пять минут могут показаться вечностью!

— Ведь там между страницами, — продолжила она, вытирая влажные руки о фартук, — первый шаг Паши ко мне... отразился.

— Как это? — выпалила я, равнодушная, как говорит папа, «к душещипательным историям».

— А так. Мы днём тракторный завод строили... Вам в школе рассказывали, он в войну танки Т-34 выпускал? (Я кивнула.) А вечерами я, как могла, молодёжи грамотёшку подтягивала: вместе писали, читали. Дак Паша на ночь книжку попросил, а вернул с закладкой, со значением. Ты, Яна, видела, что там?

— Незабудки?

— Точно! «Не забывай меня», значит. Ты бы знала, к какому стихотворению положил!.. У меня прям душа распахнулась.

— К какому, баб?

— А ты книжку сама прочитай да догадайся!

— Не могу, бабулечка. У меня сегодня поручение, и к школе надо готовиться. На неделе прочитаю... Знаешь, ба, я же умру от любопытства, пока не приеду сюда в воскресенье и не проверю догадку! Ты скажи, не томи, а?

— Экая пронира! Верёвки из меня вьёшь! — засмеялась бабушка. — Сначала ты расскажи: какое поручение?

Я кратко рассказала бабушке про вчерашний день, не забыв сорванные ирисы, но умолчав о приходе в подъезд покойного ветерана. Бабушка покачала головой и наконец спросила:

— А в прошлом году вы как справились?

— Тогда Ирина Михеевна попросила меня проводить её в школу, чтобы донести тюльпаны, привезённые из сада. Она пригласила ветерана... Павла Петровича на встречу с классом.

— Вот оно как, — задумчиво произнесла бабушка и, вздохнув, посмотрела на меня. — Волнуюсь за тебя, Яночка. Не обижают ли тебя соученики: мол, «белая ворона», перед учителем хочет выслужиться?

В первую минуту я растерялась, как ответить, не расстроив бабушку, а потом нашлась:

— В пятом классе меня немного дразнили: «деловая колбаса»... Потом дома ка-а-ак навалилось! Олечку забрали в армию. Папа, как говорит мама, не сразу одолел беса в ребре.

У меня вдруг комок подступил к горлу, не давая говорить. Я убежала в дом, хлебнула кваса, погладила рыжего Ваську с рваным ухом, отдохавшего на сундуке, услышала ровный храп деда и, успокоившись, вернулась к бабушке.

— Вот я стала здесь за троих вёдра таскать, копать и окрепла... А когда я на уроке дальше всех прыгнула с места и выжала кистевым динамометром двадцать восемь кило, мальчишки чуть шеи не вывихнули, глядя из-за спины физрука в журнал на результаты!

Бабушка обняла меня и заплакала. Тут мне показалось, что синоним грибного дождя у людей — это радостные слёзы.

Улыбаясь и глядя меня по голове, она сказала: — Запомни же, каким стихотворением Пушкина привлёк меня твой дед:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила
И все волшебные мечты
В душе влюбленной возбудила.

Я так обрадовалась, что мне показалось: могу свернуть горы!..

Попрощавшись, я поспешила на автобус.

В тот вечер у нас с Розалией получилось застать и поздравить ирисами и открытками всех оставшихся ветеранов: медсестру, двух танкистов и сапёра; кстати, сапёром воевал и мой дед. К счастью, все они жили в семьях и ходили на своих ногах. В квартире медсестры нас напоили чаем. Она, Анна Ивановна, рассказала нам про вагон-госпиталь, где служила. Я упомянула про инсульт деда и получила совет, как уберечь бабушкину спину...

Потом мы гуляли с Розалией по скверу, где горели фонари. Я была счастлива, что все четверо оказались живы и приятно удивлены поздравлением. А ещё эти беспокойные сутки помогли нам, таким разным девчонкам, подружиться!

— Знаешь, Яна, по сей день я не понимала слова: «Это радость со слезами на глазах». Подпевала, а не чувствовала, — шепнула подруга и зажмурилась.

— То же самое, — сказала я, чуть не заплавав, когда за мгновение пролетел перед внутренним взором сегодняшний день: мой дед с наградами на пиджаке, слёзы и объятия бабушки; эти четверо стариков, которых я уже никогда не забуду и, наверное, поздравлю через год. Или не успею?

Потом мы бросили две копейки в телефон-автомат и, дозвонившись, рассказали Ирине Маратовне, как выполнили поручение.

— Девчата, какие же вы всё-таки!.. — воскликнула она и добавила: — Мне придётся в больницу лечь. Держитесь все дружно, ладно?

Через неделю я сидела в кабинете вожатого. Активисты школы планировали, как провести День пионерии, когда прозвенел телефон. Это Павел Петрович, выступавший в нашем классе год назад, просил помыть окна и срезать клёны-самосейки.

Я сразу сообщила классу о просьбе. Волшебные слова — «в любое время» — помогли наиболее занятым ребятам откликнуться на этот раз. Две подружки Розалии и хоккеист Вадик не подвели!

А спустя полгода у Ирины Маратовны родился сын, и она дала ему имя Виктор. Скорее всего, в честь родственника, а я хочу верить — в память того Победителя, навестить которого мы не успели.